

ВВЕДЕНИЕ

Кризис литературоведческой механистической текстологии

Современная зарубежная текстология, изучающая памятники, известные во многих списках (средневековые, западноевропейские, классические, восточные и т. д.), находится в состоянии затяжного кризиса. Спор между сторонниками методов К. Лахмана и Ш. Бедье, продолжающийся около 90 лет, до сих пор не привел к видимым положительным результатам и породил множество скептических высказываний относительно отдельных текстологических проблем и самой возможности существования текстологии как науки.

Показательны в этом отношении мысли известного текстолога А. Хаузмана. Еще шестьдесят лет назад А. Хаузман писал: «Человек, обладающий здравым смыслом и рассудком, не должен ожидать от изучения статей и лекций по критике текста чего-либо, что он не мог бы, имея прилежание и трудолюбие, добыть для себя самостоятельно... Критик текста, занятый своей работой, отнюдь не напоминает Ньютона, исследующего движение планет: скорее он похож на собаку, охотящуюся за блохами. Если собака охотится за блохами на основе математических принципов, она никогда не поймает блоху, разве что случайно... Если собака хочет с успехом ловить блох, она должна быть быстрой и чуткой. Не стоит носорогу охотиться за блохами: он не знает, где они, и он не поймает их, если и узнает». Далее А. Хаузман пишет: «Предполагают, что существует прогресс в науке критики текста, и наиболее легкомысленные последователи этой мысли говорят о "старых не-научных днях". Старое ненаучное время продолжается вечно; оно на том же месте и теперь; оно обновляется ухом, которое воспринимает формулы, и языком, который их выговаривает, и умом, который пуст для размышлений и задавлен самодовольствием. Прогресс был, но где он? В лучших интеллектах: толпа не разделяет его. Такой человек, как И. Скалигер, живи он в наше-

время, был бы теперь лучшим критиком текста, чем Скалигер прошлого; но мы никогда не будем лучшими критиками текста, чем Скалигер, только потому, что мы живем в наше время»¹. Характерно, что американский текстолог Э. Хем свою обобщающую статью, предназначенную для ознакомления студентов с основами текстологии, полемически назвал «Критика текста и здравый смысл»².

Крайне пессимистический взгляд на текстологию высказывает и Е. Винавер: «Последние исследования в области критики текста знаменуют конец вековой традиции. Остроумная техника изданий, развитая великими мастерами девятнадцатого столетия, так же устарела, как физика Ньютона, и работа поколений текстологов потеряла значительную часть своей ценности. Больше невозможно классифицировать рукописи на основании общих ошибок; генеалогические стеммы³ потеряли свой авторитет и одновременно исчезла вера в сводные критические тексты»⁴.

В суждениях зарубежных ученых текстология часто выступает как искусство, как «игра без правил», а не как наука. Считается, что текстолог не должен знакомиться с теорией текстологии, с суждениями выдающихся критиков текста и может ограничиваться в своей работе «здравым смыслом», заменяя им опыт своих предшественников и научную традицию.

О разочаровании в научно-критических изданиях свидетельствует и заметное увеличение за последние десятилетия изданий памятников по одному списку (с разнотениями или даже без разнотений по другим).

Существуют некоторые общие причины плачевного положения текстологической науки за рубежом. Текстология «подавлена» практическими задачами издания текстов. Это отрицательно сказывается на развитии теории. Опыт текстологов еще в значительной мере передается методами, принятыми в средневековом ремесле: устно, от учителя к ученику. Опыт редко выходит за пределы практических навыков. Теоретические исследования по текстологии выходят редко. Вот почему в текстологии образовались замкнутые школы и очень мало сказывается общее развитие науки.

Но текстология за рубежом не просто отстает или медленно движется вперед: ясно определились признаки кризиса. Растущий скептицизм связан с тем, что в разрешении некоторых основных вопросов текстология зашла в тупик и что образовавшимся различным направлениям в текстологии

¹ A. E. Housman. — Classical Association Proceedings, 1921, XVIII. P. 68–69, 84.

² Edward B. Ham. Textual Criticism and Common sense. — Romance Philology, 1959, vol. XIII, № 3. P. 198–215.

³ Стемма — таблица генеалогического соотношения списков — редакций памятников. (Примеч. мое. — Д. Л.).

⁴ E. Vinaver. Principles of Textual Emendation. — Studies in French Language and Mediaeval Literature presented to prof. K. Mildred. Pope. Manchester, 1939 (цит. по кн.: A. Castellani. Bédier avait-il raison? La méthode de Lachmann dans les éditions de textes du moyen âge. Fribourg, 1957. P. 10 (Discours universitaires, Nouvelle série 20)).

с гораздо большим успехом удается дискредитировать друг друга, чем утверждать себя.

Чтобы понять причины этого кризиса, необходимо обратиться к классической европейской текстологии, представленной К. Лахманом и его школой.

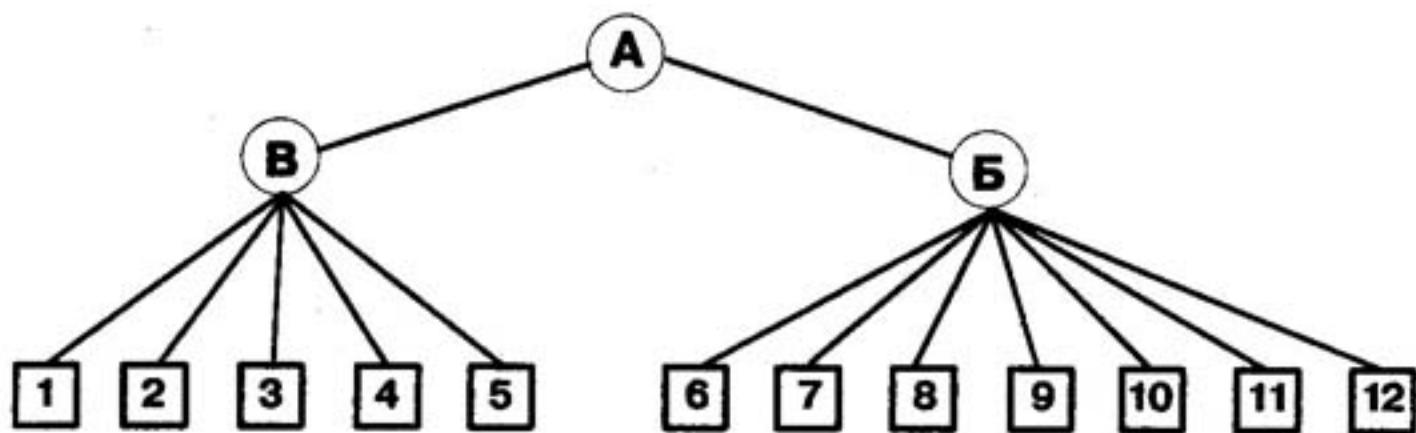
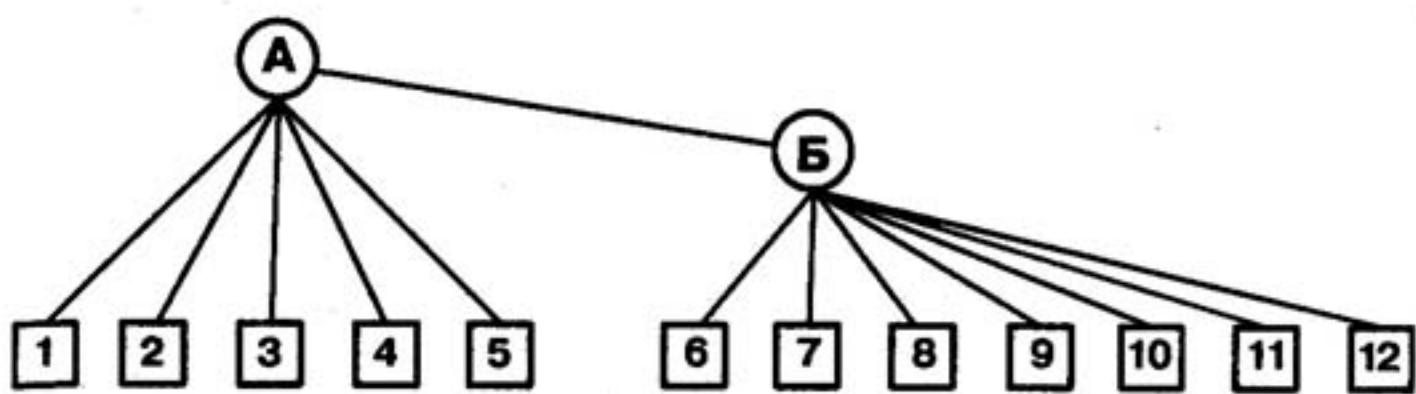
Ко времени, когда К. Лахман выдвинул свой метод в текстологии (1840-е годы), в текстологической науке существовали свои представления об истории текста произведений. История текста представлялась историей постепенной его порчи в различных списках. Эти представления были законны для XVIII в. с его рационализмом. Им следовал в своих реконструкциях текста Несторовой летописи и знаменитый А. Шлецер. Все списки казались равны, и из всех выбирались «лучшие чтения» для реконструкции первоначального, «неиспорченного» текста. И. Добровский был более историчен, выдвинув в начале XIX в. новую точку зрения: рукописи возникают одна за другой, есть тексты лучшие и худшие в их целом, а не только в их разнотечениях. Возникла необходимость классифицировать тексты отдельных списков, разбивать их на группы и редакции. Однако представления о постепенной порче текста и о том, что интерес представляет только «авторский текст», по-прежнему продолжали существовать и держатся в основном до сих пор. История с этой точки зрения представляет интерес только для восстановления авторского текста. Задача текстологии сводится только к «добыванию» авторского текста, с восстановлением и изданием которого кончались все заботы текстолога.

Наиболее последовательно эта точка зрения на историю текста произведений была выражена во всемирно известных работах К. Лахмана, посвященных реконструкции Нового Завета, ряда античных произведений, текста Песни о Нibelунгах и т. п. Необходимая для этого классификация списков проводилась К. Лахманом (а впоследствии его учениками и последователями) с помощью так называемой теории «общих ошибок».

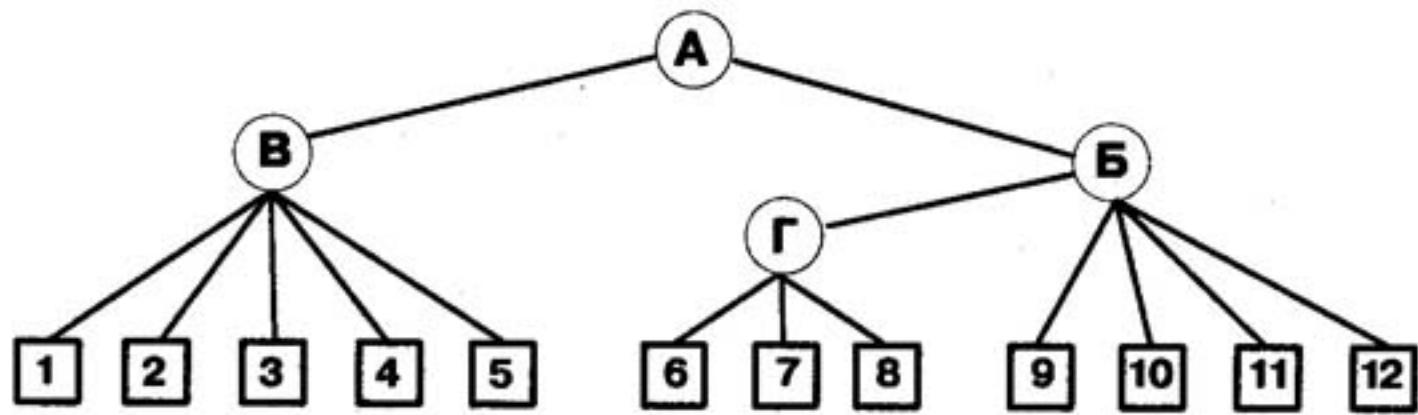
Предполагалось, что общие разные рукописям ошибки текста могли явиться только в результате общего же происхождения этих рукописей. На выявлении общих ошибок в разных рукописях как на средство определения генеалогии списков было сосредоточено основное внимание текстологов XIX и начала XX в.

Метод определения генеалогии списков по «общим ошибкам» может быть продемонстрирован на следующем примере. Допустим, памятник представлен двенадцатью списками. Семь списков имеют общую им всем ошибку. В таком случае стемма списков примет следующий вид:

Списки 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, имеющие общую ошибку, восходят не непосредственно к авторскому тексту *A*, а к общему оригиналу *B*. Далее: списки 1, 2, 3, 4 и 5 имеют в другом месте текста тоже общую им ошибку. Отсюда ясно, что и списки 1, 2, 3, 4 и 5 также восходят не непосредственно к авторскому тексту, а через общий архетип *B*. На стемме это отразится следующим образом:

В дальнейшем, однако, оказывается, что списки 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, восходящие к архетипу *Б*, не едины: списки 6, 7 и 8 имеют общую ошибку, отсутствующую в списках 9, 10, 11 и 12. В этом случае стемма примет следующий вид:

Дальнейшее выявление общих ошибок усложнит стемму еще более.

Метод К. Лахмана был увлекательен своею простотою. Казалось, был найден ключ к верному, математически точному построению генеалогии списков любого произведения, дошедшего до нас более чем в двух списках. Реконструкция истории текста зависела теперь только от терпения текстолога. Система К. Лахмана была принята во всех странах, не исключая России, где также приобрела верных adeptов.

Победное шествие теории Лахмана не было остановлено отдельными скептическими голосами тех, кто указывал, что писцам в некоторых случаях свойственно ошибаться одинаково. Что отдельные «общие ошибки» могут

возникать самостоятельно и т. д. Появилась даже своеобразная модификация теории К. Лахмана: теория «общих ошибок» заменилась теорией «сходных мест», изобретенной бенедиктинцем дом Кантеном. Другая модификация теории К. Лахмана заключалась в том, что текстологи говорили не об «ошибках» текста, а о его разнотениях (вариантах), которые подсчитывались и подразделялись на индивидуальные и многократные, а затем многократным отдавалось предпочтение. Модификации теории К. Лахмана не меняли ее по существу: принцип подсчета разнотений оставался без изменений. Практически эта механическая текстология была настолько удобна и, казалось бы, точна, что она продолжала держаться, несмотря на отдельные возражения и подновления.

Так было до тех пор, пока не обратило на себя внимание однообразие стемм, построенных по принципу теории «общих ошибок» и ей подобных: громадное большинство стемм оказалось раздвоенным.

Впервые это наблюдение над раздвоенностью большинства стемм, построенных на основании теории «общих ошибок», сделал Ш. Бедье, назвав его «изумляющим законом» (*«la loi surprenante»*). В своем издании *«Lai de l'Ombré»* (первое издание 1890 г.) он опубликовал различные стеммы, созданные на основе теории «общих ошибок»; подсчет показал, что большинство стемм были раздвоенными (дихотомными, *«les stema bifides»*): каждая выпускала из себя две ветви, и те в свою очередь выпускали двойные ветви. Это повторялось в стемме столько раз, сколько было генераций списков произведения. В 1910 г. Ш. Бедье собрал 80 стемм; 78 из них оказались раздвоенными. В 1928 г. он собрал 110 стемм; раздвоенными оказались 105. Он исследовал издания французских, английских, итальянских, латинских текстов; обнаружилось, что в основном они также были раздвоенными. Откуда этот закон? Почему филологи-издатели фатально приходят к построению именно раздвоенных стемм? Все рукописи разбиваются попарно, только попарно.

Ш. Бедье пишет: «Не удивительно, что время, которое сохранило 116 списков, произошедших от двух списков W и Z “Романа о Розе”, злобно уничтожило все те списки, которые произошли от третьего списка; и не удивительно, что то же самое и тем же образом повторилось с “Романом о Троянской войне”, но что это повторилось таким же образом с Клижесом, с Ивеном, с Филоменой и со всеми остальными романами Кретьена де Труа, и со всеми романами романистов, и со всеми хрониками хроников, и со всеми поучениями проповедников, и со всеми собраниями басен баснописцев, и со всеми песнями песнописцев: это чудо! Одно генеалогическое дерево с двумя ветвями не заключает ничего необыкновенного, но целая роща двухветвистых деревьев, целый парк, целый лес? *Silva portentosa*. Случай с двумя ветвями в истории текста не заключает в себе ничего чудесного, но закон разделения на две ветви... Этот закон должен был начать управлять судьбою текстов только около ста лет назад, когда первый филолог построил первую “stema codicum”. «В филологической флоре, — говорит Ш. Бедье, — деревья точно

одного типа: их ствол последовательно делится на две ветви, — только на две»¹.

Критика Ш. Бедье системы К. Лахмана породила целую литературу. Между тем от одной редакции могла возникнуть либо только одна следующая, либо две, либо три — любое количество. Шансы на возможность появления от какой-либо редакции именно пары редакций в целом мало отличались от шансов появления от нее же трех или одной. Филологи выступают и в развитие идей Бедье, и в защиту теории Лахмана. В процессе этой полемики, которая не прекращается в течение всех последних десятилетий, все более и более явственно проступают общие недостатки механистической текстологии. Спор ведется по преимуществу вокруг открытой Ш. Бедье дихотомии текстологических стемм, но объективно затрагивает и другие стороны методики текстологических исследований. Так, Ж. Фурке стремится оправдать теорию К. Лахмана, но защищает ее только с точки зрения возможного преобладания в исследованиях текстологов дихотомных (парноветвистых) стемм.

Ж. Фурке пространно доказывает, что с математической точки зрения парноветвистая стемма более естественна, чем трехветвистая. Однако вывод, к которому приходит Ж. Фурке в заключении к своей работе, несколько неожидан: «Первая цель данной работы заключается в реабилитации метода общих ошибок. Отрицание всех стемм как фантастических несправедливо. Редкость многоветвистых стемм — в природе вещей... Труд филолога, строящего стемму, вовсе не калечится тайным пороком системы. Вторая цель данной работы состоит в том, чтобы показать, что нельзя ожидать многое от реабилитируемых стемм... Если издатель имеет основание колебаться между трехветвистой стеммой и парноветвистой, — стемма бесполезна»². Последняя процитированная мною фраза показывает, что, стремясь к реабилитации К. Лахмана, Ж. Фурке недалеко ушел от Ш. Бедье: защищая К. Лахмана, он приходит к скептицизму.

Работе Жана Фурке была посвящена специальная статья Марио Рока. М. Рок справедливо пишет, что при построении стемм согласно принципам Лахмана могут приниматься во внимание только те общие ошибки, которые не могли быть сделаны одновременно двумя писцами. Но если так, то мы не можем полагаться на простые подсчеты общих ошибок — мы должны анализировать эти ошибки, выяснять их происхождение. Мы должны отделять

¹ Ch. J. Bédier. Tradition manuscrite du «Lai de l'Ombre». Réflexions sur l'art d'édition des anciens textes. — Romania, 1928, t. LIV. P. 171. — Хорошее изложение теории Ш. Бедье и дом Кантена (см. о нем ниже) в статье: Emm. Walberg. Prinzipien und Methoden für die Herausgabe alter Texte nach verschiedenen Handschriften. — Zeitschrift für romanische Philologie, 1931, LI. S. 665—678.

² Jean Fourquet. Le Paradoxe de Bédier. — Publication de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg, 1946, t. CV, P. 16. (разрядка моя. — Д. Л.). — Защиту К. Лахмана и его метода «общих ошибок» см. также: M. Barbi. La Nuova Filologia l'edizione dei nostri scrittori da Dante al Manzoni. Firenze, 1938. P. XII—XLI.

ошибки от повторений и анализировать повторения: насколько они не могли в разных списках принадлежать разным переписчикам, а восходить неизменно к работе одного переписчика¹.

Сложным математическим расчетам, доказывающим полную вероятность преобладания парноветвистых стемм над трехветвистыми и другими, посвящена была и работа Ф. Уайтхеда и Ц. Пикфорда «The Two-Branch Stemma»².

Математический спор относительно теории «общих ошибок», начатый Ш. Бедье с подсчета типов стемм, выработанных по системе К. Лахмана, пришел, казалось бы, к своему концу, когда профессор Фрибургского университета в Швейцарии А. Кастеллани опубликовал в 1957 г. в специальной брошюре, посвященной проверке данных Ш. Бедье, свои выводы³. Выводы эти показали, что статистические данные Ш. Бедье, во-первых, только в незначительной своей части документированы, а во-вторых, — в той части, в которой они документированы, — это сделано крайне неточно⁴.

Весьма возможно, конечно, что произведенные Бедье подсчеты дихотомных стемм неверны, однако и А. Кастеллани признает, что дихотомных стемм значительно больше, чем недихотомных. В этом отношении он приходит к тем же выводам, что и Ж. Фурке, и Пикфорд, и Уайтхед. При этом А. Кастеллани признает, что чем меньше списков произведения, тем вероятнее, что взаимоотношения их сложатся в дихотомную стемму⁵. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что применение теории «общих ошибок» дает подавляющее большинство именно дихотомных стемм.

Приходится удивляться не тому, почему этих дихотомных стемм так много, а почему не в се стеммы, построенные исследователями на основании применения теории «общих ошибок», дихотомны. Дело в том, что в чистом виде теория «общих ошибок» применялась редко; по большей части эта теория при построении стемм не доводилась до конца или смешивалась с другими наблюдениями над текстами. Эти недоработки и смешения и могли дать при построении стемм неполное число парноветвистых стемм. Если же применять теорию «общих ошибок» последовательно, — подавляющее преобладание парноветвистых стемм совершенно неизбежно. Показать это можно и не прибегая к сложным математическим расчетам.

В самом деле, между любыми двумя списками произведения можно легко найти общие ошибки в большем или меньшем количестве. Гораздо труднее найти список, который будет стоять особняком и не иметь общих ошибок.

¹ Romania, 1947, LXIX. P. 118.

² Frederick Whitehead, Cedric E. Pickford. The Two-Branch Stemma. — Bulletin Bibliographique de la Société Internationale Arthurienne, 1951, № 3. P. 83—90.

³ A. Castellani. Bédier avait-il raison? La méthode de Lachmann dans les éditions des textes du moyen âge.

⁴ Ibid. P. 20—21.

⁵ См.: E. B. Ham. Recz. na kn.: A. Castellani. Bédier avait-il raison? — Romance Philology, 1959, vol. XIII, № 2. P. 190—191.

бок ни с одним из других списков произведения. Система «общих ошибок» способна больше находить общее и неспособна доказать однократность списка. Ведь для того чтобы отъединить список, разлучить его — необходимо доказать, что у него нет общих ошибок с другим, а это по методике К. Лахмана крайне трудно. Достаточно небольшого числа общих ошибок, чтобы утверждать по методике Лахмана общее происхождение двух списков. С другой стороны, любые — три, четыре, пять и т. д. — списки произведения неизбежно распадутся на группы по степени близости их друг к другу. Отсюда ясно, что, применяя теорию «общих ошибок», мы будем делить списки на группы до тех пор, пока все списки не расчленятся на пары. Два списка образуют простейшую группу. Дальше уже делить на группы невозможно. Тенденция к максимальному делению списков заложена в теории «общих ошибок». Четное число списков даст полное число пар, нечетное — сохранит один список вне пары, хотя и у него могут оказаться «общие ошибки» с каким-либо из списков произведения.

Отсутствие «общих ошибок» между списками одного произведения при тщательном учете всех разнотений — явление исключительное. Это может быть объяснено не только тем, что все списки находятся между собой в родстве, восходят к архетипу¹, уже заключавшему в себе ошибки, но и тем, что часть ошибок — результат общей всем писцам психологии ошибок, кстати сказать, очень мало еще изученной².

Но если есть одни и те же ошибки, которые возникают самостоятельно в разных списках, — определение генеалогии списков на основании теории «общих ошибок» невозможно. Имеются, однако, сторонники методики К. Лахмана, которые пытаются утверждать, что общие ошибки не могут самостоятельно возникать в различных списках. К ним относится, например, французский исследователь П. Колломп³.

Мы видели, однако, что такие повторения вполне возможны. Древнерусский материал, во всяком случае, представляет их во множестве. Невозможно другое: повторение целого сочетания ошибок. Вообще в изучении

¹ Архетипом группы, редакции или извода произведения называется тот список (это почти всегда бывает список недоделанный), к которому восходят все списки одной группы, редакции или извода произведения; архетип произведения — это тот воображаемый список, от которого пошли все сохранившиеся списки. Не обязательно, чтобы им был авторский текст. Часто бывает так, что все списки произведения восходят к уже измененному после автора тексту (особенно часто бывает так с античными произведениями, средневековая традиция которых восходит к какому-либо Александрийскому или византийскому архетипу). См. подробнее ниже, главу III.

² По этому вопросу имеется статья Ж. Андрие (*J. Andrieu. Pour l'explication psychologique de fautes de copiste. — Revue des Études latines, 1950, t. XVIII. P. 279–292*), однако автор обращает преимущественное внимание на ошибки пропуска (в частности, на так называемые «bourdons»).

³ См.: *P. Collomp. La critique des textes. Strasbourg, 1931. P. 36–37.*

текста и взаимоотношения списков представители механистической текстологии совершенно не обращают внимания на сочетания разнотений между собой, на систематическое повторение в каком-либо тексте определенного и п а разнотений, на типичность тех или иных описок и исправлений для того или иного списка. Именно изучение типичности и сочетаний разнотений, что связано с изучением смысловой стороны текста, дает наиболее бесспорные научные результаты.

Можно легко показать, что при замене теории «общих ошибок» теорией «сходных мест» или системой подсчета многократно и однократно встречающихся чтений картина получается та же самая.

Механические и статистические приемы анализа разнотений, применяемые для построения стемм, имеют еще одну характерную особенность: они не дают никаких указаний на утраченные звенья. Схождения и пересечения линий в лучшем случае способны условно указать на близость списков, но не на их восхождение к утраченным спискам, хотя должно быть ясно, что сохранение всех списков какого-либо произведения — совершенная, почти неосуществимая случайность, возможная лишь при очень небольшом их числе. Обычно даже нахождение в числе списков копии и оригинала — явление исключительно редкое¹.

Обратим внимание на следующее. Методика К. Лахмана совершенно безразлична к тому, имеет ли она дело с несколькими списками произведения из сотен существовавших когда-то или с тем же количеством списков, но дошедших до нас в полном составе. Методика построения стемм будет одинаковой, и очень возможно, что стеммы окажутся при этом также одинаковыми. Во всяком случае, принципиальных расхождений между стеммами обоих глубоко различных по самому своему существу типов историй текста не будет.

Заметим также, что если и возможно сгруппировать списки путем выявления в тексте «общих ошибок», то невозможно установить редакции произведения, ибо редакции объединяются не общими механическими ошибками и сходными местами, а определенными проведенными в них идеями, стилистическими принципами и т. д. Каждая редакция памятника — это отнюдь не механический этап в его жизни, не результат общих ошибок, передававшихся от архетипа к спискам, как это думают текстологи, применяющие механические приемы анализа, а результат сознательной, целеустремленной дея-

¹ Мне удалось это обнаружить со списками Летописца Елинского и Римского второй редакции, и то потому, что это огромное произведение известно в очень не большом числе списков (см.: Д. С. Лихачев. Елинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. — ТОДРЛ, т. VI. М.; Л., 1948. С. 100–110). При этом если список БАН 33.8.13 явился оригиналом для списка ГБЛ, собр. Пискарева, № 162, то тот в свою очередь послужил оригиналом для списка БГЛ, собр. Егорова, № 867 (см.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 113).

тельности одного из книжников, идейной или художественной и стилистической.

Но самый главный недостаток механических приемов построения стемм заключается в том, что они основываются на крайне упрощенных представлениях об истории текста произведений и о способах работы книжников вообще.

В самом деле, способ построения стемм на основе подсчета «общих ошибок» предполагает, что каждый писец механически переписывает только один список, не исправляя его по другим спискам. Русский средневековый материал решительно опровергает такого рода представления о работе переписчиков. Имеются прямые свидетельства, что переписчики или писцы-редакторы исправляли тексты по другим спискам.

Приведенные ниже, в главе I, материалы о работе переписчиков книг решительно опровергают мнение представителей школы К. Лахмана о том, что каждый писец переписывал текст с одного списка и что поэтому все списки плавно и постепенно восходят к одном общему списку — архетипу. В западноевропейском материале к приведенным наблюдениям необходимо добавить материал схолий, попадающих при переписке в текст и бесконечно усложняющих работу текстолога, сличений рукописей, предпринимавшихся гуманистами, печатных изданий, рукописные источники которых не сохранились, и т. д.

Характерно, что разочарование в текстологических приемах почувствовалось в классической филологии особенно резко после открытия папирусов: тексты папирусов не подтвердили ни реконструкций текстологов, ни их теории архетипов в целом.

Предположение представителей школы К. Лахмана, что каждый переписчик переписывал только один текст, в результате чего можно определить архетип группы списков, решительно опроверг и автор крупнейшей итальянской монографии по вопросам текстологии классических произведений — Дж. Паскуали¹.

Дж. Паскуали пишет: «Считать, что традиция древних авторов всегда механична — предрассудок. Она механична лишь там, где переписчик мирится с тем, что он не понимает текста. Многие эпохи и многие области не соглашались оставить текст таким, каким они его получили, а делали его более ясным, приспособленным к своему вкусу, прикрашенным. Из этой истины должен извлечь пользу не только критический разбор (*recensio*), а и исправление текста (*emendatio*): более легкая в палеографическом отношении догадка почти никогда не бывает более вероятной, если она имеет дело с

¹ См.: Giorgio Pasquali. *Storia della tradizione e critica del testo*. Firenze, 1934; seconda edizione con nuova prefazione e aggiunta di tre appendici. Firenze, 1952. 525 p. — В подробной рецензии на книгу Дж. Паскуали А. Дэн считает ее самой сильной атакой против системы К. Лахмана (A. Dain. Supplément critique au Bulletin de l'Association Guillaume Budé, 1936–1937, VIII. P. 7–32).

текстами, переданными не механически. Что касается критического разбора, то лишь в относительно редких случаях механической традиции возможно, если наши кодексы восходят к архетипу, применить критерии элиминации списков, сами по себе механические, сформулированные Лахманом»¹.

Невозможность применить механические приемы к установлению генетологии списков, утверждает Дж. Паскуали, определяется еще и тем, что передача текста происходит, как он выражается, не только «горизонтально», но и «вертикально», т. е. не только от более старого списка путем его переписывания к более новому — его копии, но и путем сличения и «сведения» различных (подчас одновременных) списков, исправления текста по другим спискам.

Теория «общих ошибок» предполагает и другое, что единственно исправленный текст, текст, в котором все ясно, — это текст автора и что переписчик только ошибался и при этом ошибался однообразно, не исправляя текста оригинала и лишь прибавляя к ошибкам предшественников свои собственные. По этому поводу У. Т. Холмс спрашивает, имея в виду старофранцузскую поэзию: «Почему каждый писец должен быть беззаботным невеждой и каждый автор — непогрешимым знатоком старофранцузской метрики и рифм?»²

В действительности дело обстоит таким образом, что переписчик, заметив ошибку в оригинале, стремится ее исправить и исправляет часто неверно, иногда даже не то слово, в котором произошла ошибка, придавая новый смысл испорченному пассажу. Поэтому списки, восходящие друг к другу, могут иметь разные ошибки, и это надо непременно учитывать текстологу. Только «исправленные» места текста могут надолго удерживаться в переписке, но не явные ошибки. Однако текстолог может проследить, как одна описка плодит в дальнейшем новую, как писец неудачно исправляет испорченное место. Поэтому хотя ошибки и могут представить великолепный материал для установления истории текста, их механическая классификация — не лучший для этого способ. Текстолог не может замыкаться в механических поисках «общих ошибок». Да и что называть ошибкой? Иногда переписчик настолько удачно улучшает текст, что, определяя ошибку, текстолог может ошибиться сам. Переписчик сам часто бывает текстологом, а современный текстолог, наоборот, совершает ошибки, типичные для переписчика рукописи.

Не могут быть приняты во внимание и орфографические ошибки: они имеют особенную тенденцию повторяться и не показательны. Можно сказать, что орфография малограмотных писцов почти так же однообразна, как и орфография писцов грамотных. Не показательны и диалектные формы, которые могут возникнуть одновременно в разных списках, переписываемых в одной и той же местности.

¹ G. Pasquali. Op. cit., 1952. P. XVII.

² U. T. Holmes. Рец. на кн.: *Textual Criticism and Jehan le Venelais*. — *Speculum*, 1947, XXII, № 3. P. 469.

Наконец, следует отметить, что общие ошибки могут быть только тогда показательными, когда они сразу определяются как безусловные ошибки. Дело в том, что в большинстве случаев ошибочность того или иного чтения устанавливается на основе того, что оно появилось позднее и отсутствовало в архете. Но как определить, что отсутствовало в архете? На «инстинкт» текстолога полагаться нельзя. Для определения архетипных чтений необходимо выявить историю текста и установить взаимоотношение списков! Следовательно, здесь может получиться «порочный круг». Здесь система «общих ошибок» терпит свое крушение. Ведь если текст в процессе переписки подвергается сознательным и целенаправленным изменениям, то метод «общих ошибок» просто неприменим. Метод «общих ошибок» предполагает теорию, согласно которой переписка текста всегда ведет к его порче, — и только!

Аналогичные наблюдения над работой переписчиков, сливавших различные тексты, «улучшавших» или исправлявших их по другим текстам или по смыслу, были сделаны и зарубежными текстологами. Исправления такого рода очень затрудняют работу текстологов, особенно тех, которые пользуются механическими приемами. Вот почему текстологи часто повторяют: переписчики, которые меньше всего думают над текстом и переписывают механически, — лучшие переписчики! Английский текстолог А. Кларк прямо пишет: «В переписчике нет более благословенного качества, чем невежество, и скорее тривиально, а не парадоксально утверждать, что лучшие рукописи те, которые переписаны наиболее невежественными писцами»¹. Сходное утверждение мы найдем и у французского текстолога П. Колломпа² и др.

Наконец, позволю себе остановиться еще на одном вопросе, который возникает в связи с механическими приемами установления взаимоотношения списков: на вопросе о так называемых «индивидуальных» чтениях того или иного списка.

Если текстолог применяет не теорию «общих ошибок», а теорию «сходных мест», то он так же, как и сторонник теории «общих ошибок», отбрасывает все, что оказывается в единственном числе. Принимается во внимание только «общее»: в первом случае — для того, чтобы определить взаимоотношения списков, во втором — не только для определения взаимоотношения списков, но и для исключения так называемых «индивидуальных чтений» из реконструкции оригинала. Нет, однако, ничего более опасного в текстологии, чем подсчет разнотений и выбор их по большинству. Понятие «индивидуальных» особенностей опасно не менее. Пока мы не установим историю текста, мы никогда не можем быть уверены, что та или иная его особенность, не встречающаяся в других дошедших до нас списках, действительно индивидуальна. Ведь она может отражать чтения недошедших списков и даже восходить к авторскому тексту. Практически установить — является

¹ A. C. Clark. Recent Developments in Textual Criticism. Oxford, 1914. P. 21.

² P. Collomp. La critique des textes. Strasbourg, 1931. P. 10–11.

ли данное единичное чтение действительно «индивидуальным» или нет — бывает очень трудно, а иногда и невозможно. Поэтому лучше обходиться без этого понятия, тем более что очень часто неясно — что именно понимает в том или ином конкретном случае текстолог под «индивидуальным» чтением или «индивидуальной» особенностью текста списка: то ли, что данная особенность не встречается в дошедших списках (тогда это мало о чём говорит), то ли, что эта особенность появилась только в данном списке, и нигде, ни в каких списках, в протографах этого списка ее не было. Для историка текста важно только последнее, но как это установить? Всякие суждения о недошедших списках чрезвычайно трудны. Текстолог с гораздо большей степенью вероятности судит о недошедших этапах истории текста, чем о недошедших списках.

Только восстанавливая общий ближайший протограф нескольких сохранившихся списков, мы можем отбросить те или иные удачные чтения одного списка как индивидуальные; однако этими «индивидуальными» чтениями могут оказаться далеко не все те, которые встречаются только в данном списке. Даже при восстановлении ближайшего протографа списков невозможно опираться на механические приемы исследования списков и считать, что показания одного списка, противоположные показаниям нескольких списков, должны быть сброшены со счетов.

Арифметика текста должна уступить место исследованию смысла текста.

Мы говорили выше, что теория К. Лахмана не соответствует современным представлениям об истории текста произведений, проживших долгую жизнь во многих списках. Было бы справедливо отметить, что защитники К. Лахмана осознают это положение.

Характерно, что защитники системы К. Лахмана откровенно занимают сейчас антиисторические позиции. Если сам К. Лахман слепо верил, что построенные по его методу стеммы отражают реальное соотношение списков — реальную историю текста, то нынешние его сторонники прямо заявляют, что текстолог исследует лишь у словные взаимоотношения списков, не имеющие ничего общего с реальной историей текста и отражающие лишь случайно создавшиеся отношения между сохранившимися рукописями. Так, В. Грег, отвечая защитникам Ш. Бедье, пишет: «Я не понимаю возражений господина Шепарда (W. P. Shepard — автор статьи, защищающей позиции Ш. Бедье¹. — Д. Л.) против так называемых "дихотомных стемм". Показав, что громадное большинство стемм, составленных издателями текстов, именно этого типа, он замечает: "Конечно, совершенно невероятно, чтобы с оригинала делались только два списка средневекового текста; дихотомия обязана своим происхождением методу текстолога". Это поистине удивительное замечание, так как, конечно, стемма говорит нам не о том, сколько списков было первоначально сделано, но только об отношениях между со-

¹ W. P. Shepard. Recent Theories of Textual Criticism. — Modern Philology, Chicago, 1930, vol. XXVIII, Nov.

хранившимися. Преобладание дихотомии обязано своим появлением отбору. Если среди большого числа сохранившихся рукописей того или иного произведения отсутствуют исконные взаимоотношения (т. е. почти во всех случаях), то, я думаю, из этого следует, что для рукописей будет характерно почти полное отсутствие и каких-либо иных стемм, кроме дихотомных»¹.

Необходимо отметить и другую очень характерную черту результатов механистического подхода к группировкам списков. Можно, даже не собирая различных стемм, выполненных методикой формальной, традиционной «критики текста», в которых группировка списков предшествует историческому анализу разнотений, сказать, что любые крупные деления текстов будут в этих стеммах предшествовать более мелким делениям, тогда как реальная возможность происхождения крупной группы (например, редакции) из мелкой (например, вида текста, его извода) так же велика, как и обратная: мелких делений — из крупных (например, видов текста из редакций).

Из авторского текста могут появиться изводы со сравнительно незначительными разнотениями, а из этих изводов уже более крупные редакции. Первоначально, например, в «Повестях о разорении Рязани» были сравнительно незначительные расхождения (в одном виде городом, через который ехал служитель иконы Николы Заразского Евстафий, названа Кесь — Цесис, в другом виде — Рига и некоторые другие); из этих же двух видов основной редакции появились другие редакции с очень большими изменениями в тексте — Стрелецкая, Воинская, Проложная, Хронографическая и т. д.

Еще одно возражение против механистической методики в текстологических исследованиях было выдвинуто Р. П. Дмитриевой. Нельзя не согласиться с Р. П. Дмитриевой, что ошибки теста могут передаваться только из основного протографа, но дополнительно привлеченный писцом текст (при сведении писцом воедино нескольких списков) не может влиять на основной своими ошибками, особенно теми, которые обессмысливают текст, делают его непонятным. Ошибки и искажения не могут переходить в основной текст из дополнительного источника, ибо перенос из дополнительного источника — всегда более или менее сознательное явление. Между тем правка писцом одного (основного) списка по другому (дополнительному) — довольно частое явление в древнерусской письменности. Имеется много рукописей, в которые непосредственно вносилась такая правка, — она видна и отличается иногда по почерку. Это всегда исправления, осмысливающие текст или его дополняющие, или, в крайнем случае, замены одного текста другим, дающим другую трактовку событий. Но правка текста никогда не заключается в переносе явно ошибочных или бессмысленных и с точки зрения древнерусского писца чтений. Это положение совершенно не учитывается при подсчете разнотений в механистической текстологии.

¹ W. W. Greg. Recent Theories of Textual Criticism. — Modern Philology, 1931, vol. XXVIII, May. P. 403. — См. работы того же автора: The Calculus of Variants. Oxford, 1927; The Editorial Problem in Shakespeare. Oxford, 1954.

Итак, подчеркнутая антиисторичность, стремление к формальной классификации текстов на основании механических приемов сличения различий с помощью теории «общих ошибок» или теории «сходных мест», или путем подсчета вариантов, подразделяемых на редкие («индивидуальные») и многократные, — таковы основные принципы современных продолжателей зарубежной механистической текстологии.

Стремлением свести текстологию к ряду механических приемов, «арифметизировать» ее отмечены и такие значительные работы по текстологии, как книга В. Грега *«The Calculus of Variants»* (Oxford, 1927), Д. Г. Кантена *«Essais de critique textuelle»* (Paris, 1926)¹ и др.

Критика современной стемматологии Ш. Бедье и его последователями — это критика, идущая, в сущности, из того же лагеря. Она вскрывает внутренние противоречия механистической текстологии, не заменяя ее принципы иными. Отсюда глубокая неудовлетворенность тщательными исследованиями памятников классической и средневековой древности по всем сохранившимся спискам и все увеличивающийся процент публикаций по одному, случайно выбранному списку.

Механические приемы обращения с разнотениями создавали иллюзию точности. Когда эта иллюзия была разрушена, наступило разочарование в текстологии в целом, столь характерное сейчас для некоторой части зарубежной филологии и исторического источниковедения.

Механистическое построение стемм не ограничивается однообразием диахромии, как это заметил Ш. Бедье. Мы можем заметить также, что при пользовании методикой К. Лахмана редакции всегда предшествуют вида текста. Здесь система К. Лахмана не знает исключений. Непосредственно от протографа редакций ответвляются крупные редакции, затем более мелкие. Виды текста, варианты текста увенчивают все генеалогическое дерево произведения. Такое деление редакций в стеммах не обращало на себя внимания как ненормальное по определенной причине. Дело в том, что здесь известную роль сыграло сравнение генеалогических схем с деревьями. Для дерева же вполне естественно, что мелкие ветви растут из более крупных. Однако в истории текста произведений этой последовательности наблюдать нельзя. Незначительные расхождения в тексте, дающие неглубокие разновидности текста, могут привести к появлению крупных редакций и наоборот. Никаких правил в этом отношении наблюдости невозможна. Поэтому обычное расположение редакций в стеммах: сперва крупные расхождения, потом — мелкие — это исключительно результат неправильной методики деления текстов на редакции.

Вполне возможна, например, такая ситуация: от одной из стилистических редакций или разновидностей текста происходит крупная идеологическая редакция или, наоборот, идеологическая редакция дает несколько сти-

¹ Ср. того же автора: D. H. Quentin. Mémoire sur L'établissement du texte de la Vulgate. 1922 (Collectanea Biblica Latina, VI).

листических разновидностей текста. Первое возможно так же, как и второе. Однако в стеммах, созданных по принципам механистической текстологии, мы наблюдаем только вторую разновидность истории текста.

Как можно установить наличие первой разновидности истории текста? Установить можно на основе общих стилистических явлений в двух идеологических редакциях. Обычно на эти стилистические общности обращается меньше внимания, чем на крупные расхождения. Однако текстолог должен объяснить весь текст, все расхождения, а не отдельные крупные. Нельзя устанавливать историю текста на основании выборочных разнотений между отдельными текстами. Текст должен быть исторически объяснен.

Конечно, излагая историю текста, вовсе не всегда нужно приводить все разнотения. Можно ограничиваться только иллюстрациями. Но для себя, «в лабораторных условиях», текст должен быть изучен целиком, безо всяких пропусков.

Если устанавливать редакции механистически, путем количественного подсчета разнотений, то стемма текстов в списках будет всегда строиться по одному принципу: сперва редакции, а потом виды текста, сперва крупные деления текста — потом мелкие. В реальной же истории текста оба типа взаимоотношений крупных делений текста и мелких возможны в одинаковой степени.

Задачи текстологии

Нет необходимости особо останавливаться на теоретических положениях критики текста в конце XVIII и в XIX в. По существу, критика текста не стала в XIX в. самостоятельной наукой. Задачи изучения текста ограничивались чисто практическими потребностями. Критика текста была подсобной дисциплиной, необходимой для издания документов и литературных памятников. Таково было начало многих наук: геометрии, которая нужна была первоначально как землемерие, астрономии, почвоведения и т. д.

Принципы критики текста в русской науке были сформулированы еще А. Шлецером. Он называл ее «малой критикой», или «kritikoy слов». Перед критикой летописи Нестора А. Шлецерставил такую конкретно задачу: «Что Нестор писал действительно? Ему ли принадлежит такое-то слово (иногда такая-то буква), такая-то строка, такое-то целое место? или переписчик, по невежеству, нерадению или высокому, испортил это слово, вставил или выпустил эту строку, это место? — Вот малая критика или критика слов»¹. Переписчики Нестора — «грубые невежды»². Чтобы отыскать правильное чтение, по Шлецеру, надо оценивать отдельные места по

¹ А. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Шлецером. СПб., 1809. С. 396.

² Там же. С. 399.